

*И. Г. Девятьярова
(Омск)*

Мемуары Алексея Явленского в зарубежных архивах: история создания и проблемы использования

Алексей Георгиевич Явленский (1865–1941) принадлежит к числу русских художников, чья жизнь и творческий путь проходили на рубеже XIX–XX столетий, в тот плодотворный период, когда наряду с освоением национального наследия и достижений современных европейских мастеров велись поиски новых средств выразительности. В 1896 г. художник уехал в Мюнхен для продолжения профессионального образования в студии А. Ашбе и надолго задержался в Германии. С началом Первой мировой войны и последующими политическими событиями его контакты с Россией прекратились. Вдали от родины Явленский прожил полнокровную творческую жизнь. Именно там к нему пришли успех, зрительская любовь и внимание критики. Портретист, пейзажист, мастер натюрморта, он вошел в историю европейской культуры прежде всего как автор серий «византийских голов» и варьирующих человеческое лицо композиций, в которых соединились модернистские веяния и традиции религиозного искусства.

В России Явленский известен мало. В отличие от многих соотечественников-творцов, разделивших судьбу эмигранта, он до сих пор находится как бы вне контекста русской культуры. Причины тому заключаются, безусловно, в том, что наследие мастера хранится за рубежом, в собраниях разных стран. В российских музеях работ художника мало (около двадцати), и они не дают достаточного представления об его творчестве. Организованная в 2000 г. Государственным Русским музеем на основе зарубежных коллекций ретроспективная выставка Явленского в известной мере способствовала популяризации его имени в России. Эту задачу

призвана была решить и изданная к открытию выставки первая и пока единственная монография о художнике на русском языке¹. В ее основе, как и в основе других многочисленных зарубежных изданий о Явленском, лежат его воспоминания. Истории их написания и проблемам использования посвящена настоящая статья.

Мемуары Явленского хранятся в архиве «Синей четверки» музея Нортон Саймона (Пасадена, США) и у его наследников (Локарно, Швейцария). Общим для них является то, что они были записаны со слов художника его менеджером Галкой Э. Шейер в конце 1910-х гг. и секретарем Лизой Кюммель — в 1936 г. Изложенные с разницей во времени примерно в два десятилетия, различные по объему и характеру повествования, воспоминания дополняют друг друга, помогая исправить существующие биографические неточности.

Галка Э. Шейер (Эмили Эстер Шейер), известная за рубежом прежде всего как организатор и пропагандист выставочного объединения «Синяя четверка», обладала большой энергией и предпринимательскими способностями, что в 1920—1930-е гг. позволяло ей активно популяризировать в США и Европе творчество представителей объединения — Лайонела Фейнингера, Пауля Клее, Василия Кандинского и Алексея Явленского.

С Явленским Шейер познакомилась в 1916 г. Художник жил в это время в нейтральной Швейцарии, куда с началом Первой мировой войны он как уроженец оппозиционной России вынужден был уехать из Германии вместе с двенадцатилетним сыном, его матерью Еленой Незнакомовой и Марианной Веревкиной, близким другом и своей покровительницей. Приютом беженцев стала деревня Сен-Пре на берегу Женевского озера.

Пребывание в Швейцарии во всех отношениях стало для Явленского тяжелым временем, и только встреча с Шейер изменила его жизнь, привнеся в нее много радости и светлых перспектив. Образованная, изучавшая искусство и музыку в Лондоне и Париже, талантливая художница-импрессионистка из Брюсселя, Шейер попала в Швейцарию тоже с началом войны. В конце 1916 г. в Лозанне на русско-польской художественной выставке, устроенной местным Комитетом помощи русским и сербским пленным в Австрии², она впервые увидела две работы Явленского. Одна из них, «Горб», произвела на художницу сильное впечатление, и она отправилась в Сен-Пре к Явленскому. Шейер познакомилась с ним, с его творчеством и так прониклась произведениями художника, что

¹ Белгин Т. Алексей Явленский: Биография. СПб., 2000.

² О выставке см.: Луначарский А. В. Русские художники в Германии // Луначарский А. В. Об искусстве: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 43—48, 379, 381—382.

решила посвятить свою жизнь популяризации его искусства. «Она сказала: „Зачем мне заниматься живописью, ведь я знаю, что не смогу творить так, как Вы. Будет лучше, если я посвящу себя Вашему искусству и буду рассказывать о нем другим людям“»³.

Явленского восхитили жизнелюбие и деятельность молодой женщины. С начала 1920-х гг. он называл ее в своих письмах «Галка», связывая имя Шейер с увиденной во сне птицей с черным оперением. Она приняла это имя и позднее даже записала его в своем паспорте. Выразительная внешность и харизматичность Галки вдохновляли художника к воплощению ее образа в произведениях искусства. С появлением в жизни художника Галки связана его работа над серией «Мистические головы», к которой он обратился в 1917 г. В стилизованных чертах лица Галки через кубистическую пластику угадываются лики фаумского портрета, византийских мозаик, православной иконы.

Согласно подписанному в июне 1920 г. договору, Шейер стала личным секретарем Явленского и вместо жалования получала проценты от стоимости проданных ею картин. Она устраивала его персональные выставки по городам Германии, взяв на себя всю работу по их подготовке, в том числе транспортировку и монтаж. На вернисажах Галка читала лекции об искусстве Явленского, проводила экскурсии, встречалась с потенциальными покупателями и торговцами произведений искусства. Ее усилия увенчались успехом: выставка в Висбадене в феврале 1921 г. стала триумфом художника. Явленский был глубоко благодарен своей помощнице. В апреле 1921 г. он писал ей: «Я отдал свое искусство в Ваши руки и буду совершенствоваться, чтобы показать Вам, что я хочу жить, чтобы идти все дальше и дальше»⁴.

Работая с выставками, Шейер понимала, что для популяризации творчества мастера необходима монография. В конце 1910-х гг. она стала записывать его воспоминания как вспомогательный материал для будущей книги. Монографию издать не удалось, но подготовительные материалы к ней, в том числе мемуары, остались у Галки. Хранившиеся у нее работы «Синей четверки» — свыше 450 произведений живописи и графики — она завещала музею (тогда институту) Нортон Саймона в Пасадене. Коллекция поступила туда в 1953 г. Позднее архив пополнили письма и

³ Цит. по: Alexej von Jawlensky. Lebenserinnerungen // Alexej von Jawlensky. Reisen. Freunde. Wandlungen: Ausstellungskatalog / Herausgegeben von Tayfun Belgin. Heidelberg, 1998. S. 117. Здесь и далее перевод на русский язык М. В. Черненко.

⁴ Цит. по: *Jawlensky Angelica*. «Ich habe meine Kunst in Ihre Hände gelegt»: Emmy Scheyer und Alexej von Jawlensky — eine Freundschaft // Die Blaue Vier. Feininger, Jawlensky, Kandinsky, Klee in der Neuen Welt: Ausstellungskatalog / Herausgegeben von Vivian Endicott Barnett / Josef Helfenstein. Köln, 1997. S. 70.

различные документы художников «Синей четверки» (в том числе воспоминания Явленского), принадлежавшие подруге Галки — Летте Валеска, которая в 1938 г. эмигрировала в Америку и жила в ее доме.

Дословный перевод названия документа: «Копия рукописи Галки, как говорил ей Явленский (примерно между 1917—1919)»⁵. Текст напечатан на пишущей машинке на немецком языке. По мнению сотрудника архива музея Нортон Саймона Николь Хангерфорд, печатала текст Летта Валеска в 1965 г. в форме резюме по нескольким ныне утраченным рукописным материалам и, вероятно, с использованием собственных сведений о художнике, с которым она была хорошо знакома⁶. Этим объясняется присутствие слова «копия» в названии документа. Его хронологические рамки — от рождения Явленского до завершения записи мемуаров, то есть до конца 1910-х гг. Повествование ведется от третьего лица, иногда, впрочем, сбиваясь на первое лицо, что больше соответствует форме мемуаров. Текст изобилует многочисленными пропусками слов и предложений, затрудняющих его чтение, а в конце приобретает отрывочный характер и состоит уже из отдельных фраз, смысл которых сложно разобрать, и лишь зная эпизоды жизни художника по поздним воспоминаниям, можно понять, о чем идет речь. Текст обрывается на фразе, характеризующей финансовое положение Явленского в конце 1910-х: «У меня как всегда не было денег».

Мемуары «Копия рукописи Галки...» никогда не были опубликованы в полном объеме, хотя информация, частично извлеченная из них, нередко встречается в литературе, посвященной творчеству художника.

Иная судьба у «Воспоминаний о жизни», записанных в 1936—1937 гг. секретарем Явленского Лизой Кюммель. Они хранятся у наследников художника в Локарно⁷. Это наиболее полный мемуарный источник. Именно на нем основаны многочисленные публикации о Явленском. «Очень интересно и важно, что Ты диктуешь твою биографию Лизе <...>. Записывай все свои мысли об искусстве, о деятелях искусства, свои взгляды на жизнь, забудь, что Ты пишешь для людей, и записывай без колебаний также то, что могло бы шокировать обывателя, так как все это имеет большую человеческую, творческую и художественную ценность»⁸, — писала

⁵ Copy of a handwritten manuscript by Galka as told her by Jawlensky (probably between 1917—1919). P. 1—8. Norton Simon Museum. The Blue Four Galka Scheyer Collection Archives. В каталоге-резюме, составленном наследниками художника (Catalogue Raisonné of the Oil Paintings. Volume One, Two, Three), документ приведен как «“Lebenserinnerungen”, dictated to Emmy Scheyer, 1918». Автор благодарит Николь Хангерфорд (музей Нортон Саймона, Пасадена, США) за предоставление копии настоящего документа.

⁶ Письмо Николь Хангерфорд автору от 27 мая 2003 г. Архив автора статьи.

⁷ См.: Alexej von Jawlensky. Lebenserinnerungen. S. 104—119.

⁸ Цит. по: *Fäthke B.* Jawlensky und seine Weggefährten in neuem Licht. München, 2004. S. 213.

художнику Шейер в 1936 г. Во второй части рекомендаций, которым Явленский не стал следовать, сказался, безусловно, экстравагантный характер Галки.

Лиза Кюммель, выпускница школы прикладных искусств, с которой Явленский был знаком с 1927 г., была другой по натуре. С 1935 г. она помогала больному, измученному жестокими физическими страданиями художнику. В ее обязанности входила систематизация его наследия, каталогизация, ведение переписки. «Я его друг в лучшем смысле слова, я знаю его двенадцать лет, выполняю все его письменные деловые, а теперь и личные работы, забочусь об его картинах, привожу все в порядок, клею, мою, лакирую и т. д.», — писала Лиза Эмилю и Аде Нольде 18 октября 1938 г.⁹ В отличие от Галки, она, как отмечают наследники Явленского, при описании его произведений не придумывала свои названия и надписи, но строго фиксировала то, что диктовал ей художник. В 1930 г. в манере начала 1910-х он создал ее портреты, насыщенные цветом и выражением своего отношения к модели.

В «Воспоминаниях о жизни» художник рассказал об основных эпизодах своей биографии, о встречах с людьми, которые помогли ему в выборе художественных ориентиров и способствовали воспитанию его нравственных представлений. За рубежом Явленский познакомился с художниками Коринтом, Ходлером, Веркаде, Матиссом, Ван Донгеном, Кубином, Нольде, с деятелями русской культуры Сахаровым, Бехтеевым, Нижинским, Карсавиной, Павловой. На страницах воспоминаний мастера содержится информация об его участии в выставках, в том числе российских.

На основе «Воспоминаний о жизни» составлены биографические справки о Явленском, опубликованные на страницах каталогов зарубежных выставок. На эти материалы опираются авторы разнообразных публикаций о художнике. Впервые опубликованы воспоминания были в 1970 г. в книге Клеменса Вайлера, затем еще в двух изданиях на немецком и английском языках¹⁰. Во всех случаях отсутствовали комментарии, что свидетельствует о недостаточной изученности биографии мастера (особенно периода его жизни в России) и его русских связей за рубежом.

⁹ Цит. по: Briefe und Erinnerungen // Alexej Jawlensky. 1864–1941: Ausstellungskatalog / Herausgegeben von Armin Zweite. Munich; Baden-Baden, 1983. S. 118.

¹⁰ См.: *Clemens Weiler*. Alexej Jawlensky. Köpfe, Gesichte, Meditationen. Hanau, 1970. S. 95–120; Alexej von Jawlensky: Catalogue Raisonné of the Oil Paintings. Vol. 1. 1890–1914. Maria Jawlensky, Lucia Pieroni-Jawlensky and Angelica Jawlensky. Keepers of the Alexej von Jawlensky Archive S. A. London; München; Mailand; New York, 1991. P. 25–33; Alexej von Jawlensky. Reisen. Freunde. Wandlungen: Ausstellungskatalog. S. 104–119.

Действительно, для воспоминаний характерны неточности и ошибки памяти, что, главным образом, нашло отражение в именах и датах. Нетрудно представить, как записывались эти мемуары. Старый, больной художник рассказывал помощнице на немецком языке, на немецком языке мемуары и записывались. Память порой подводила, что, впрочем, свойственно многим из тех, кто обращается к давно минувшему. Возможно, для скорости письма сокращались некоторые слова и фамилии. Спустя многие месяцы Лиза отпечатала свои записи на пишущей машинке. При этом получили искажение фамилии лиц из московского и петербургского окружения Явленского: художник Каталков вместо Рачков, в квартире которого в доме Боткина он, будучи офицером, жил в 1887—1890 гг.; Голучев (Golutscheff) вместо Голоушев — искусствовед, художник и врач; Исаев (Issajeff) вместо Исеев, ректор петербургской Академии художеств; Виличко (Wilitschko) вместо Величко, генерал; Яренецкий (Jarenetzki) вместо Таренецкий, профессор Академии художеств, преподаватель анатомии.

Неверно приведены некоторые даты. Например, годом открытия в Москве Всероссийской (в тексте мемуаров — Всемирной) промышленно-художественной выставки указан 1880-й, в то время как выставка состоялась в 1882 г.; смерть отца датирована 1882 г., в действительности же он умер в 1885-м; годом поступления в Императорскую Академию художеств Явленский называет 1889-й, на самом же деле — 1890-й; поездка с Ярцевым состоялась в 1891 г., но не годом раньше, как можно понять из текста; выставка русских художников в Лозанне состоялась в 1916-м, а не в 1915 г. Ошибки допущены в названиях мест, связанных с детскими и юношескими годами художника: Несвих (Neswich) и Ашенстово (Aschenstowo) вместо Несвиж и Ченстохово; соседнее с родовым имением Кузлово в Тверской губернии село Кожино в мемуарах названо Кошинов (Koschinow). Отмеченные ошибки, соединившиеся к тому же с неточностью перевода, проникли на страницы вышеупомянутой монографии Тайфуна Бельгина, переведенной на русский язык.

Не всегда верно трактуются и упоминающиеся в тексте мемуаров события. Так, рассказывая о годах обучения в петербургской Академии художеств, Явленский упоминает Русский музей Императора Александра III: «Позже многие залы этого музея заполнились иконами и даже целыми иконостасами — чудесными произведениями искусства, которые были такой редкостью в Европе»¹¹. Стремясь выяснить истоки творчества Явленского, определить корни его поздних творческих исканий, искусствовед Элен Халь-Кох (сейчас Халь-Фонтэн) связала этот эпизод

¹¹ Ibid. S. 110.

с академическим периодом жизни художника — 1890—1896 гг.¹². Однако известно, что Государственный Русский музей (первоначально Русский музей Императора Александра III) был открыт для посетителей лишь в 1898 г., еще позже были выставлены иконы, поэтому Явленский не мог их видеть во время обучения.

Основные положения статьи Андреа Финк, посвященной русскому периоду биографии мастера, мало чем отличаются от предыдущей публикации¹³.

«Воспоминания о жизни» использовал также искусствовед из Висбадена Берндт Фетке в своей последней книге «Алексей Явленский и его спутники в новом свете»¹⁴. Как следует из названия книги и ее предисловия, издание было призвано исправить неточности и дополнить биографию мастера новыми фактами. Однако в действительности написанная в недоброжелательном тоне по отношению к Явленскому и его наследникам книга, к сожалению, преследовала одну лишь цель — опорочить образ художника, низводя оценки его личности до самого низкого бытового уровня. Фетке, известный на Западе исследователь творчества М. В. Веревкиной и автор книги о ней, исходил из благих намерений высоко оценить вклад русской художницы и общественного деятеля в европейскую культуру XX в. Однако одновременно он принизил роль ее ученика, близкого друга и единомышленника. Финансовая зависимость Явленского от Веревкиной, получавшей большую пенсию за отца, генерала от инфантерии, — ведущий лейтмотив книги. Ошибки памяти в «Воспоминаниях о жизни» автор трактует как умышленные, имеющие в своей основе желание скрыть от потомков историческую правду. Обилие ссылок, между тем, не позволяет убедиться в правоте суждений Фетке, так как большей частью они относят читателя к его личному, не доступному другим исследователям, архиву.

Вольная, замешенная на скудном знании русского фона трактовка мемуарного материала, которую позволяет себе Фетке, безусловно, не характерна для всего зарубежного явленсковедения. Однако неточности, имеющие место в воспоминаниях, переходят из одной публикации в другую, обедняя и искажая образ художника и его искусство.

Создавшаяся ситуация, безусловно, требует коррекции. На помощь приходят прежде всего ранние воспоминания — «Копия рукописи

¹² *Hahl-Koch Jelena*. Der Frühe Jawlensky // Alexey Jawlensky. 1864–1941: Ausstellungskatalog. S. 25.

¹³ *Fink A*. Das russische Auge — Jawlenskys künstlerische Entwicklung von den Anfängen in Rußland bis zu den Münchner Jahren // Alexej von Jawlensky. Reisen. Freunde. Wandlungen / Ausstellungskatalog. S. 22–33.

¹⁴ *Fäthke B*. Jawlensky und seine Weggefährten in neuem Licht.

Галки...». В них содержатся детали, дополняющие историю жизни художника и его семьи. Благодаря этим воспоминаниям выясняется, между прочим, характер отношений Явленского с отцом, Георгием Никифоровичем, которого художник очень любил. Учась в Москве в военном училище, он четыре месяца каникул провел под Рязанью, в городке Михайлов, где служил отец. Как оказалось, отец не был сторонником военного образования для Алексея, как следует из ряда публикаций, и лишь бедность семьи заставила его отдать сына в кадетский корпус, где дети дворян обучались бесплатно. Из текста воспоминаний становится ясным то понимание, которое проявил отец к желанию Алексея стать художником.

При сравнении «Копии рукописи Галки...» с «Воспоминаниями о жизни» отмечается постоянство оценок Явленским важных фактов его биографии: посещение Всероссийской промышленно-художественной выставки и Третьяковской галереи, которую он сравнивал с храмом; дружба с художником-педагогом С. Васильевым, определившим выбор Явленским художественного образования; плодотворные товарищеские отношения с художниками С. Голоушевым и Г. Ярцевым. «Копия рукописи Галки...» позволяет исправить бытующие в зарубежном искусствознании ошибки в фамилиях московских художников Н. Рачкова и С. Голоушева, расширяет сведения об окружении Явленского в России (генерал Любовицкий и семья Грюнберг).

«Копия рукописи Галки...» пополняет итинерарий художника. Именно благодаря этому документу стало известно, что «на последнем году своего пребывания в Академии художеств» он вместе с М. В. Веревкиной совершил путешествие по Европе.

В тексте воспоминаний нашли отражение сложности в отношениях с Веревкиной, психологическая напряженность перед их разладом. При этом Явленский объективно оценивал ее как художественную личность, которая «всегда высоко держала знамя искусства, жила для искусства и никогда не шла на компромисс».

Для подтверждения или уточнения ряда положений необходимо обратиться к другому кругу литературных и архивных источников и прежде всего из российских архивов — государственных, ведомственных, личных. Плодотворной для автора этих строк явилась работа в Российском государственном историческом архиве, где в фонде Императорской Академии художеств хранится личное дело Явленского. В Российском государственном архиве литературы и искусства находятся документы о круге его знакомых — художниках К. Ф. Вальце, А. П. Могилевском, Г. Ф. Ярцеве, связанных с Явленским творческими интересами. В Отделах рукописей Государственной Третьяковской галереи, Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственном Русском

музее в фондах И. Э. Грабаря, Д. Н. Кардовского, А. П. Могилевского, В. Г. Бехтеева найден ценный эпистолярный и мемуарный материал, проливающий свет на контакты Явленского с Россией. Детали военной карьеры будущего художника, его отца и братьев уточнялись по послужным спискам из Российского государственного военно-исторического архива. В Государственном архиве Российской Федерации были выявлены материалы о судьбе братьев художника в период Гражданской войны. Семейный архив В. С. Виноградовой (Москва), внучатой племянницы художника, дал возможность восстановить биографию брата художника — акмолинского губернатора Д. Г. Явленского. Весьма продуктивной по извлечению неопубликованных материалов об имени Явленских Кузлово, где прошли детские годы художника, стала работа автора в Тверском областном архиве.

Факты и имена лиц из окружения Явленского, упомянутые в мемуарах, были уточнены благодаря дореволюционным справочникам, каталогам выставок, визуальным источникам — произведениям искусства и фотографиям. Богатейший материал в этом плане содержат опубликованные мемуары и переписка художников А. Н. Бенуа, И. Э. Грабаря, М. В. Добужинского, Д. Н. Кардовского, Я. Д. Минченкова, М. В. Нестерова, А. П. Остроумовой-Лебедевой, И. Н. Павлова, А. А. Рылова, В. А. Серова. Московский культурный фон 1880-х гг., когда Явленский учился в кадетском корпусе и военном училище, помогли восстановить воспоминания В. П. Зилоти, В. М. Лобанова, М. М. Морозова.

Существующее положение с использованием и толкованием воспоминаний, как представляется, может исправить подготовленная на основе результатов изысканий публикация их на русском языке с сопровождающими комментариями. В этом случае прояснятся значение русских корней в формировании мировоззрения Явленского, а также связи художника с Россией, духовно питавшие его на протяжении всей творческой жизни.

А. Г. Явленский. Мистическая голова: Голова Г [алки] 2. 1917.
Музей искусств. Лонг-Бич, шт. Калифорния, США

А. Г. Явленский. Аскона. 1919.
Архив А. Явленского. Локарно,
Швейцария

Эмми Галка Шейер. 1924

Эмми Шейер и Алексей Явленский. Аскона. 1919

Лиза Кюммель и Алексей Явленский.
Висбаден. Около 1935

А. Г. Явленский. Портрет Лизы Кюммель. 1935. Музей Висбадена